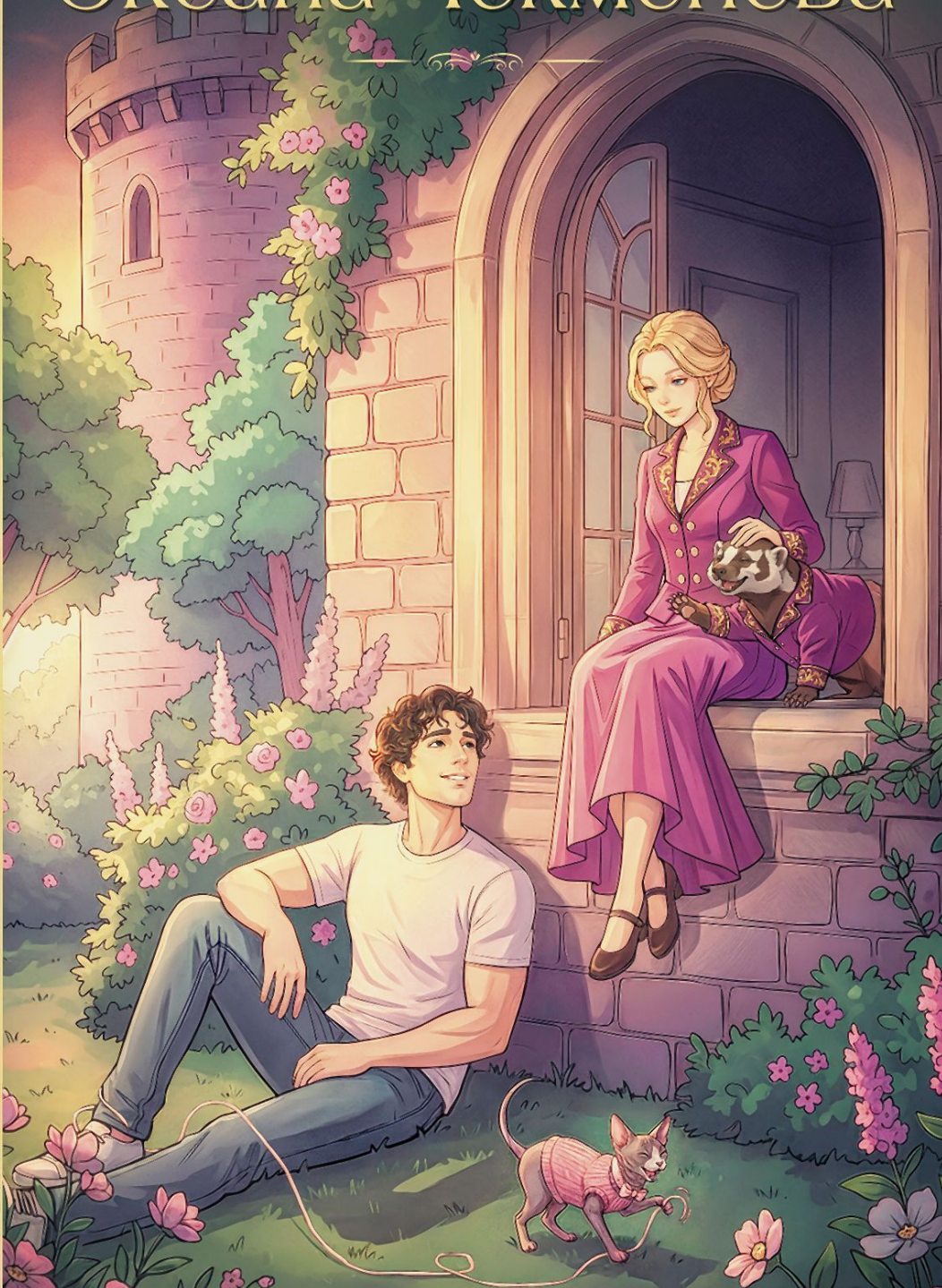

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

Оксана Чекменёва

ДОЧЬ МЕДВЕДЯ,
или Предсказанная
перевёртышу

Волшебная академия (АСТ)

Оксана Чекменёва

**Дочь медведя, или
Предсказанная перевёртышу**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чекменёва О.

Дочь медведя, или Предсказанная перевёртышу / О. Чекменёва —
«Издательство АСТ», 2026 — (Волшебная академия (АСТ))

ISBN 978-5-17-184896-5

Получить в раннем детстве тёмную магию, за которую казнят, — жестокий подарок судьбы. Детство, проведённое в лесу, чтобы спрятать запретные силы, — не самое удачное начало жизни. Но теперь у меня появился шанс поступить в Имперскую магическую академию, скрыв тёмную магию под проснувшейся светлой. Главное — не выдать себя и держаться подальше от бессмертных, когда-то уничтоживших всех обладателей тёмных сил. Только кто же знал, что они в этой академии встречаются буквально на каждом шагу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184896-5

© Чекменёва О., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Прибытие	14
Глава 2. Экзамены	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Оксана Чекменёва

Дочь медведя, или

Предсказанная перевёртышу

Иллюстрация на обложке – *Жанна Михайлова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© О. Чекменёва, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Пролог

Северо-Западное побережье Империи. Год 4288. Начало лета. Восемнадцать лет назад

– Ты что творишь, мерзавка? – визгливый голос тетки Нуты заставил меня вздрогнуть и шлепнуться с неустойчивых корточек на землю, потеряв равновесие. Перепугавшись, я постаралась как можно скорее втянуть в ладони змейки тьмы, уничтожая морковную ботву, к которой они случайно прикоснулись. Но следующие же слова показали, что спрятать ее я не успела. – Ты это что?.. Ты мраком балуешься, что ли, подзаборница?!

– Нет! Нет, вам показалось! – Я замотала головой, еще надеясь на чудо. – Это просто тени от руки. Тени!

Сильные пальцы – из таких не вырвешься, уж я-то знаю, – привычно схватили меня за шиворот и вздернули на ноги.

– Мракобеска! Так я и знала, что добром это не кончится, не зря не хотела мать твою на порог пускать, когда она заявила к нам, пузатая, да без мужа! – громко причитала тетка Нута, волоча меня с огорода во двор, и ее вопли слышали, наверное, на другом конце села. – Мракобеску нагуляла, дрянь такая! Ну ничего, ничего, стража с вами с обеими разберется, помяни мое слово. Турес, Турес! – закричала она, зовя среднего сына, и когда тот появился, отдала приказ. – Бери лошадь, скачи в Бережки, там стража магическая есть. Скажи, мракобеску поймали.

– Да ладно! – не поверил он ей.

– Что – ладно, что – ладно?! Ты что, матери родной не веришь? Я сама, вот этими глазами видела, как Ринка мрак выпускала, зараза! Быстро скачи, говорю. Может, нам еще и награду какую за мракобеску дадут, зря, что ли, эту паразитку столько лет поили-кормили!

– Ага, сейчас. – Турес умчался в сторону конюшни, а меня грубо швырнули в погреб так, что я чуть по ступенькам вниз не скатилась, а потом дверь захлопнулась. Развернувшись, я застучала кулаками по крепким доскам.

– Тетя, не надо! Это просто тень была! – в отчаянии выкрикивала я, слыша, как она вешает на дверь погреба большой замок и запирает его.

– Тень, как же, – подергав замок, чтобы убедиться, что он крепко держится, хотя у меня не хватило бы сил открыть даже незапертую толстенную дверь погреба, хмыкнула тетка. – Вот приедут маги, они разберутся. И с тобой, и с матерью твоей непутевой.

После чего раздались тяжелые шаги – заперевав меня, тетка Нута спокойно ушла по своим делам.

– Неправда! Мама хорошая! – безнадежно выкрикнула я и снова стукнула в дверь кулаками, но только ушибла их. Опустившись на верхнюю ступеньку и сжавшись в комочек, я расплакалась, приговаривая: – Мама хорошая. И я хорошая. Я не виновата.

Но это была неправда. Я была виновата. Сделала то, что делать было нельзя, выдала нашу тайну, и теперь нас с мамой схватят и убьют. И это только моя вина. Моя...

Мама учила меня прятать тьму, никому ее не показывать, не рассказывать о ней. Это очень опасный дар, говорила она, таких, как мы, убивают. Я не понимала, за что, почему, но мама просто шептала мне: «*Поверь, доченька, просто поверь*», – и я верила. И никому не показывала то, что научилась делать.

Но полоть грядки было так тяжело. Они были большие, а сорняков много, они плохо выдергивались, а некоторые еще и кололись. И тогда я стала уничтожать сорняки своей тьмой – все равно на огороде я была одна, тетка Нута приводила меня утром и говорила: «*Вот это тебе до обеда задание. И попробуй только не сделать!*» – и уходила. А перед обедом проверяла.

И я делала – иначе оставалась без обеда. Сначала дергала сорняки руками, а потом догадалась использовать свою тьму. Потихоньку, осторожно, стараясь не задеть ростки редиски

или морковки. И у меня уже неплохо получалось, даже оставалось время немного посидеть, помечтать или поиграть в камушки. И руки уже так не болели, и ноги, и спина.

А сегодня тетка Нута зачем-то пришла на огород раньше времени – может, лука или петрушки для супа нарвать, хотя обычно или мне велит, или младшего сына Гритьку посылает, – а я замечталась и не услышала. А теперь нас с мамой убьют, и виновата в этом только я.

Надо было подождать, когда у меня другая магия проснется и мою тьму спрячет, а я не удержалась. Мама говорила, что мы должны жить в этой деревне, потому что здесь магов кроме нее нет, и никто не заметит, что у меня неправильная темная магия проснулась раньше времени. Вот проснется правильная, и плохую за ней не будет видно. Только мамочка никогда не говорила, откуда у меня эта плохая магия, только сказала, что я еще маленькая и не пойму. А потом плакала, целовала меня и все шептала: *«Прости меня, доченька, прости»*.

А я уже не маленькая, мне семь лет, и я все понимаю. Мне Гритька объяснил, что такое ублюдок и подзаборница, это значит, что моя мама замужем не была, а ребенка нагуляла, и у меня нет папы. У Гритьки тоже папы нет, но он не ублюдок, потому что тетка Нута – вдова, ее муж, мамин брат, утонул. А мои родители в храм не ходили, и метки брачной у мамы нет. И поэтому тетка Нута маму не любит, и меня не любит, и заставляет нас много работать.

Мама на берегу работает, с рыбаками, у нее телекинез, она вещи может поднимать не руками, а магией. Только она слабый маг и сильно устает. А меня тетка Нута заставляет грядки полоть, говорит, я должна свой кусок хлеба отрабатывать, а то кормишь меня, кормишь, а все не в коня корм.

Это потому, что я расту плохо. С тех пор как у меня темная магия проснулась, я почти не выросла, на чуть-чуть совсем. А мама говорит, что не знает, почему так, она всегда нормально росла, но ее магия проснулась как у всех остальных, в пятнадцать лет, а у меня в четыре. И с тех пор у нас с мамой появилась тайна.

И из-за этого мы не можем отсюда уйти, хотя в доме тетки Нуты нам очень плохо. Раньше, когда был жив ее муж, дядька Фрил, он за нас заступался, а когда утонул, его жена уже не скрывала, что терпеть нас не может. Мама собиралась перебраться в город, где нашла бы себе работу получше, ведь я уже подросла и могла оставаться дома одна, пока она на работе, но тут проснулся мой темный дар. И мама долго плакала и за что-то просила у меня прощения, только не говорила, за что. Только сказала, что в город нам теперь нельзя, и про мою тьму никто знать не должен, а то нас с ней казнят.

А сегодня тетка Нута обо всем узнала. И нас с мамой теперь убьют. И понимая это, я снова разревелась.

Не знаю, сколько я просидела в погребе, обед, наверное, уже прошел, потому что очень хотелось есть. Я даже подумала спуститься вниз и поискать что-нибудь среди остатков прошлогодних овощей, но тут недалеко от погреба послышался мамин голос:

– Где моя дочь?

– Явилась! – противный голос тетки Нуты звучал гораздо ближе. – Надеешься мракобеску свою спасти? Не получится! Скоро здесь маги будут из Бережков, они с вами разберутся, преступницы.

– Риони, ты здесь? – окликнула мама.

– Мама, мама! – Я снова застучала кулаками по двери погреба.

– Отопри замок. – Это она тетке Нуте велела.

– Ага, щас, бегу и спотыкаюсь! Вот он, ключик-то, попробуй, отбери!

– Мне это не потребуется, – голос мамы звучал так, что у меня мурашки по спине побежали. – Лучше отойди с моей дороги, Нута.

– Ты... Ты чего?.. – казалось, тетка Нута задыхается. – Ты тоже мракобеска?!

– Я. Сказала. Отойди! – Мама говорила так, словно каждое слово было камнем, падающим на землю. Потом что-то со звоном упало, дверь погреба распахнулась, а на пороге стояла

мама, протягивая мне руку. В другой ее руке был шар из тьмы. А на земле валялся замок, и дужки у него просто не было.

– Идем, доченька, – сказала она, и я тут же вскочила и уцепилась за мамину руку. Куда угодно, только бы с мамой. Теперь было уже не так страшно.

– Стой! Стой, мерзавка! – Тетка Нута не пыталась подойти, держалась в сторонке. – Стой, а то собаку спущу!

Ой! Если она спустит с цепи злющего Лохмача, он нас точно покусает! Но мама не испугалась, она обернулась и запустила свою тьму в сторону загона с курами, проделав здоровенную дыру в ограде.

– Лучше делом займись, – кивнув на выбегающих на свободу курей, ответила мама, а потом подхватила меня на руки и вышла со двора на улицу. Оглянувшись, я увидела, как Гритька, выплыв из-за старой яблони, махнул мне рукой. Я помахала ему в ответ, а потом уткнулась маме в шею, слыша позади крики тетки Нуты:

– Куда! А ну стоять! Гритька, да лови ж ты их, а то весь огород потопчут!

Я надеялась, что про нас она теперь забыла.

* * *

Мы шли долго, очень долго. И очень быстро, почти бежали. Сначала мама несла меня на руках, потом я шла сама, пока не устала, потом она несла меня на спине, а потом я снова шла сама. Почти сразу же мы свернули с дороги в лес и шли теперь по нему, напрямик, без дороги.

Мы почти не разговаривали, только вначале я рассказала, как тетка Нута увидела мою тьму, но мама не ругалась, только вздохнула тяжело. Еще спросила, куда мы идем, и мама сказала, что нам нужно добраться до океана, но не к пристани, где она работала, а в одно безлюдное место, у нее там уже три года припрятана лодка, и мы уплывем далеко-далеко, и маги не смогут нас найти. Мама спрятала эту лодку, когда узнала, что у меня проснулась темная магия, вот на такой вот случай.

– Мы правда мракобесы? – спросила я намного позже, когда ехала у мамы на спине и жевала кусок хлеба, который она брала с собой на обед, но не успела съесть – прибежал Гритька и все ей рассказал. Если бы не он, мама бы не успела меня забрать, маги приехали бы раньше.

– Нас так называют, – помолчав, вздохнула мама. – Тех, у кого темная магия. Плохое слово, мы так себя не называли.

– Мы? А есть еще такие же, с темным даром? – тут же заинтересовалась я.

– Я не знаю, может, кто-то еще чудом спасся и спрятался, как я. Но мне о них неизвестно. Нас называли преступниками и всех уничтожили.

– Но ты же не преступница! – с полным убеждением в своей правоте, воскликнула я.

Мама долго молчала, я даже подумала, что она не ответит.

– Я никого не убивала сама, – наконец, ответила мама. – Но делала то, что делать не должна была. Молодая была, многого не понимала, что-то принимала на веру. И мне очень жаль, что из-за моей ошибки страдаешь ты, моя хорошая. Прости меня, доченька, прости.

Мама говорила все медленнее, тяжело дышала. Видно было, что она очень устала, но продолжала быстро идти по лесу. И я не стала больше ни о чем расспрашивать, лишь уткнулась носом ей в плечо и прошептала:

– Я люблю тебя, мамочка.

Солнце клонилось к закату, когда вдали послышался собачий лай. Сначала едва слышимый, потом все отчетливее. К тому времени я уже с трудом шла за мамой, спотыкаясь на каждом шагу, да и она уже тоже шла совсем медленно и дышала тяжело. Но услышав лай, мама схватила меня на руки и снова побежала.

Но вскоре силы совсем ее оставили. Мама опустилась на землю возле огромного поваленного дерева и расплакалась, крепко меня обнимая, а собачий лай слышался уже совсем близко.

– Не успели, – прошептала она сквозь слезы. – Берег совсем близко, но даже если и добежим – нас все равно увидят, скрыться не получится. Прости меня, доченька, я не смогла тебя защитить.

– Дамочка, что у вас случилось? – раздался низкий голос совсем рядом, а из-за поваленного дерева высунулась огромная лохматая голова. Я взвизгнула и крепче прижалась к маме, пряча лицо у нее на груди, чтобы не видеть страшного говорящего зверя. – Не надо меня бояться, я маленьких девочек не ем. Может, помочь чем могу?

Чем нам может помочь страшный лесной зверь, которого я сейчас боялась сильнее, чем приближающихся магов с собаками? Маги и собаки – это что-то знакомое, мама же тоже маг, а тут что-то большое и лохматое. Хотя голос хоть и низкий, но не сердитый.

– Да! – вдруг вскинулась мама. – Да, помогите нам, пожалуйста. Спасите мою девочку, умоляю.

– А что случилось-то?

– За нами гонятся, слышите? С собаками.

– Как не слышать-то. Давно услышал, понять не мог, что в нашем лесу с собачьей сворой делать, охота здесь самим императором запрещена из-за нас, нечисти. Запретили нас убивать императорским указом еще несколько зим назад, да и других зверей заодно, заповедник здесь теперь. А тут травля. Неужто на вас охотятся?

– На нас, – кивнула мама. – Мы – не такие, как все, магия у нас опасная, и хотя мы ее во вред не используем, все равно нас уничтожат, раз узнали про это. Я-то ладно, мне уже не спастись, а вот дочка моя – невинное дитя, она жить должна. Укройте, ее, пожалуйста. За вашим запахом ее собаки не учуют, а я погоню уведу. Пожалуйста.

– Давайте. – И ко мне протянулись две здоровенные лапы с огромными когтями. Я замотала головой и еще крепче вцепилась в мамину одежду.

– Риони, – мама с силой отцепила от себя мои пальцы, – послушай меня. Ты должна жить, слышишь? Ради меня! Иди с дядей медведем, он тебя спрячет. Вот тут, – она достала из-за пазухи свернутый лист бумаги, помятый и потертый, и сунула в мою ладошку, а я машинально сжала пальцы, – все написано. Прочти.

– Мама, мама, нет, – расплакалась я, чувствуя, как огромные лапы осторожно подхватывают меня и переносят на другую сторону дерева.

– Прости, доченька! Ты только живи, моя дорогая, только живи. Я люблю тебя.

С этими словами мама вскочила и лентой тьмы срезала небольшой куст, растущий неподалеку, сдернула с плеч шаль, замотала в него куст и взяла на руки так, что издали казалось – у нее на руках ребенок. В последний раз наши глаза встретились, а потом она развернулась и побежала прочь от собачьего лая, который был уже совсем близко.

– Давай-ка сюда. – Медведь затащил меня в яму, выкопанную прямо под этим поваленным деревом, и, повернувшись так, что я оказалась возле земляной стенки, обнял меня лапами и прижал к своему животу, загораживая своей спиной от солнечного света. Вонь от него была хуже, чем от Лохмача, но я даже не поморщилась, догадавшись, что в этой вонючке и есть мое спасение.

– Тише, тише, не плачь, – раздался нежный женский голос, и что-то мягкое коснулось щеки. Открыв зажмуренные глаза, я увидела прямо у себя перед носом белочку, глядящую на меня по лицу. – Тише, а то собаки услышат. Твоя мама хотела, чтобы ты жила.

Я прикусила губу и задавила рвущиеся наружу рыдания. Хотелось реветь в голос, но белочка была права – мама не хотела, чтобы меня нашли.

– Вот и молодец. – Крохотная лапка стерла слезы с моей щеки. – Эй, ребята, поможем дядюшке Клыку малышку спасти.

– Поможем, – послышалось несколько голосов, и я почувствовала, как какие-то небольшие зверьки, размером не больше кошки, ложатся на меня, укрывая, словно одеялом. На ноги лег кто-то покрупнее, и даже на щеке возле уха свернулся кто-то совсем крошечный и очень мягкий. Только лицо осталось не укрытым.

– А теперь – все замерли и молчим, – шепотом скомандовала белка, прижавшись к моей макушке, и все сделали, как она велела, я тоже.

Собачий лай приближался, потом стали слышны голоса переговаривающихся мужчин, подбадривающих друг друга и собак, мол, след совсем свежий, нужно поспешить. Мне показалось, что они пробежали прямо у нас над головами, я замерла и затаила дыхание, но меня и правда никто не унюхал за запахом медведя и остальных животных. Лай и голоса удалялись, но мы оставались на местах. Потом послышался еще один голос, я не поняла, мужской или женский:

– Я прослежу за ними, не вылезайте, пока не разрешу, – а потом раздалось хлопанье крыльев.

– Перо проследит, – шепнула белочка. – Пока лежим.

И мы лежали. Было душно, тяжело от навалившихся зверей, плохо пахло, а самое главное – было страшно и очень хотелось плакать. Но я терпеливо лежала, понимая, что от этого зависит моя жизнь. Наконец, снова хлопанье крыльев и тот же голос:

– Все, вылезайте. Они другой дорогой ушли, здесь не появятся. Но на всякий случай Клюв и Крыло остались наблюдать и, если что, – предупредят нас.

Звери, лежащие на мне, быстро выбрались из ямы, а потом и меня подхватили медвежьи лапы и вытащили наружу. В неярком свете заходящего солнца я увидела вокруг много зверей и птиц – больше десяти, дальше я считать еще не умела. Некоторые звери были мне знакомы: две большие серые собаки – это волки, поменьше, рыжая и с пушистым хвостом – лиса. Белочку я тоже знала, и зайчиков, а еще были длинные зверьки с короткими лапками – и побольше, и совсем маленькие, я таких никогда не видела. И еще один побольше, похожий на толстую собачку с белой полосой на мордочке, а рядом – несколько точно таких же, но маленьких. И еще – словно большой ежик с очень длинными иголками. И все они окружили нас и смотрели с любопытством.

Наконец, толстенький, с полосой, не выдержал:

– Дядюшка Клык, и что тут у вас случилось?

– Вот, – медведь показал на меня, – за этой девочкой и ее мамой маги гнались, вроде как убить хотели. Мать ее попросила дочку спрятать, а сама погоню увела. Перо, что там дальше было? – обратился он к сове, сидящей на ветке того самого поваленного дерева, под которым мы прятались.

– Мне очень жаль, девочка, но мамы твоей больше нет. – Сова печально на меня посмотрела и вздохнула. – Но тебя она спасла, те люди решили, что вы погибли обе.

Я села прямо на землю и снова разревелась. Мама, моя дорогая мамочка! Ее больше нет, она оставила меня и никогда не вернется. Никогда меня не обнимет, не поцелует, не споет песенку на ночь. Не заступится за меня.

У меня больше никого нет. Я одна. И как я буду без мамы теперь? Я же все равно теперь умру. Зачем мамочка ушла, зачем меня оставила? Мама, мамочка!

Я сидела и рыдала, бормоча все это сквозь всхлипы, пока огромные лапы не обняли меня, не прижали к лохматой вонючей груди и не начали качать, словно маленькую.

– Тихо, девочка, не плачь. Дядюшка Клык с тобой, дядюшка Клык не оставит тебя одну. Ну, тише, тише...

– Так что там случилось? – спросил кто-то, и сова продолжила рассказ:

– Женщина та, со свертком на руках, добежала до обрыва, дождалась, когда первые маги выбегут из-за деревьев и увидят ее, а потом прыгнула в океан. Они кричали, чтобы она не

делала этого, чтобы хотя бы оставила ребенка, но она все равно прыгнула. Там очень высоко, никто не рискнул прыгнуть за ней. Они долго стояли, наверное, ждали, что она вынырнет, но всплыл только платок. Я подслушала, что говорили эти люди, – они поверили, что женщина убила и себя, и ребенка. Говорили, что в этом месте сильное подводное течение, и тел уже не найти. Потом ушли вдоль берега – там идти удобнее, чем через лес. Девочку искать не будут.

Я слушала все это и понимала, что мама сделала так, что магов мне бояться уже не надо, но что со мной будет дальше? К тетке Нуте возвращаться нельзя, да я и дорогу-то назад не найду, а больше у меня никого нет. И что теперь мне делать, я не знала.

– А что у тебя в той бумаге написано? – спросила белочка, та, что утешала меня там, в яме.

Я вспомнила про листок, который дала мне мама, так как все еще крепко сжимала его в руке. Развернула, разгладила – он сильно помялся, – и увидела, что письмо написано печатными буквами, я только их читать и умела. Повернув листик так, чтобы последние лучи солнца падали на него, я стала читать вслух.

«Рионелла, дорогая моя доченька, самая-самая любимая.

Если ты читаешь это письмо, значит, я не успела рассказать тебе то, что ты должна знать. Я ждала, что ты хоть немного подрастешь, чтобы лучше понять то, что маленькому ребенку понять сложно, но на всякий случай я пишу это письмо, потому что прошлое может догнать меня в любой момент. И если ты читаешь это письмо, значит, оно меня все же догнало.

Я была студенткой не самой престижной магической академии, моя магия была совсем слабой, происхождение – самым простым, и когда на меня обратил внимание сам декан, я решила, что попала в одну из сказок, которыми зачитывалась в детстве. Я полюбила его и верила каждому его слову, делала все, что он мне говорил. Этот человек стал твоим отцом, хотя так об этом и не узнал.

Когда твой будущий отец сказал мне, что есть возможность получить еще одну магию, я согласилась, не раздумывая и с радостью. Он велел мне привести с собой еще пять девушек, не открывая им правды, просто придумав предлог – я это сделала, даже не спросив зачем. Я верила своему любимому, и лишь гораздо позже узнала – девушек принесли в жертву, это была плата за дарованную мне темную магию.

Спустя неделю после того ритуала, в нашей тайной организации был объявлен общий сбор – все, имеющие как темную магию, так и любую другую, с помощью которой можно сражаться, должны были участвовать в нападении на дракона. Нам ничего не объясняли, лишь сказали, что это – последний шаг к обретению нами бессмертия. Позже я стала понимать, что все это было очень странно, но тогда я ни над чем не задумывалась, ни в чем не сомневалась, разум мой был словно в дурмане. Но в утро сбора я почувствовала себя очень плохо и просто не смогла встать с постели, а значит, не попала на место сбора. И это спасло мне жизнь – все, кто собрался, чтобы напасть на дракона, были уничтожены. Любой, в ком была темная магия, был объявлен бессмертными преступником и казнен.

Я тоже преступница – пусть своими руками я не убивала, но тех девушек именно я привела на смерть. И когда дурман развеялся – не знаю, опаивал ли меня чем-то твой отец или использовал ментальную магию, – я осознала все это, и мне казалось, что жить я больше недостойна. Но целительница, к которой я обратилась с тем самым плохим самочувствием, сказала, что у меня будет ребенок.

Это была ты, моя дорогая девочка. Это ты спасла мне жизнь, не позволив оказаться на месте той бойни. И я решила, что буду жить ради своего ребенка. Но ты уже была во мне во время ритуала, потому тоже получила темную магию – прости меня за это, доченька. Я не хотела тебе такой судьбы, но так вышло, и теперь тебе с этим жить.

Запомни, пока в тебе не проснется обычная магия – а она обязательно проснется, твой отец был очень сильным магом, – тебе нужно держаться подальше от других магов. Обычная магия закроет собой темную, отвлечет на себя внимание – именно поэтому мракобесов невозможно узнать, если они сами себя не выдадут. Но до тех пор ты в опасности, моя хорошая. Я не знаю, сколько тебе сейчас лет, но очень надеюсь, что достаточно, чтобы суметь выжить. Я не хотела оставлять тебя так рано, но раз меня нет рядом, значит, судьба решила именно так.

Пока не проснется новая магия – держись как можно дальше от городов и крупных деревень. А самое главное – скрывай свою темную магию, никогда не пользуйся ею, не допускай ошибок. И держись как можно дальше от бессмертных. Именно они уничтожили всех, в ком живет темная магия, они не пощадят никого, даже тебя.

Живи, моя любимая Рионелла, пожалуйста, живи. Я очень тебя люблю. Твоя мама».

Я дочитала письмо и долго сидела молча, роняя на него слезы. Мама сказала – не допускай ошибок, но именно из-за моей ошибки она умерла. И что мне делать дальше? Мама просила меня жить – а как? Я не знаю, что мне теперь делать.

– В сиротский приют ей нельзя, – сказал кто-то из зверей, я не видела, кто именно. – Приюты только в городах есть, а там маги.

– Может, в дети кто возьмет? – другой голос, жалостливый.

– Ага, придет она к первой же калитке, постучится, скажет: «Возьмите меня в дети», и ее тут же и возьмут, да? – ехидно ответил кто-то. – Как раз в приют-то и отправят.

– Была б постарше, хоть в няньки бы кто взял, а тут самой нянька нужна, кроха ж совсем, – вздохнула Перо, ее голос я ни с чем не спутаю.

– Я не кроха, – возразила, не удержавшись, рукавом вытирая мокрые щеки. – Мне семь лет уже!

– Все равно, в работницы не годишься, – сказал один из волков, это я уже видела, голову-то подняла.

– Нельзя ей к людям, – покачал головой медведь. – Мне ее мать доверила, мне и растить.

– Дядюшка Клык, да как же ты ее растить-то будешь? – возразил другой волк, точнее – волчица. – И где? В берлоге своей? Это ж человек, ей одежда нужна – своей-то шкуры нет, – еда человеческая, да и не в норе же ей жить.

– У меня идея! – воскликнула лиса, потом махнула куда-то лапой. – В той стороне дом есть в лесу. Там охотник жил прежде, а как в нашем лесу охоту-то запретили, ушел куда-то. Домик небольшой, старый, но еще крепкий, все получше, чем берлога.

– И далеко до него? – поинтересовался дядюшка Клык.

– Ну... если прямо сейчас выйти – к утру доберемся. Там место хорошее, укромное, но и до города не так далеко, за полдня туда-обратно сбегать можно. Там для девочки одеждой разжиться можно, да и едой какой. Только лапы ловкие нужны, сам я не справлюсь.

– У меня лапы ловкие. – Небольшой зверек с черной шерсткой вокруг глаз и полосатым хвостом, ростом с кошку, протянул свои передние лапки, и правда похожие на ручки.

– Мы тоже с вами пойдем! – воскликнули едва ли не хором длинные зверьки на коротких лапках.

– И я тоже иду, – решил кругленький зверек с полосой. – Должна же рядом с девочкой быть женщина. Ну, что, ребяташки, идем в поход?

– Идем, идем! – радостно запрыгали три его, то есть ее маленькие копии.

– Тогда уж и мы с вами, – переглянувшись, решили волки. – Осмотримся, вдруг рядом кто из диких крутится. Конечно, к тебе, дядюшка Клык, вряд ли кто приблизится, но лучше все же проверить.

– Вот видишь! – ко мне на колено запрыгнула белочка. – Вот как все хорошо решилось. Видишь, сколько у тебя теперь друзей будет. Ты не одна больше, не надо плакать. Мы о тебе позаботимся.

– Правда? – Я даже поверить не могла, что все эти говорящие звери, которых называют «нечисть», решили меня не бросать. Значит, я не останусь одна?

– Правда, – ответил дядюшка Клык. – Ну-ка, забирайся ко мне на спину. А ты, Шустрик, показывай дорогу к тому дому.

Когда я уселась верхом на спину медведю, следом за мной туда же забрался один из кругленьких детишек с полоской и примостился у меня на коленях.

– Я с тобой первый поеду, – сообщил он мне. – Меня Орешек зовут. А тебя Рионелла, да?

– Это мое длинное имя, – покачала я головой. – Меня так никто не называет. Мама звала Риони, а тетка Нута и ее сыновья – Ринкой.

– Я буду звать тебя Риони, – кивнул зверек. – А ты можешь звать меня... Орех! Вот!

– Хорошо, Орех. – Я обняла пушистого малыша и впервые с того времени, как меня схватила тетка Нута, улыбнулась.

Я не знала, что ждет меня впереди, но мама хотела, чтобы я жила. И я обязательно буду жить! *Я обещаю тебе это, мамочка.*

Глава 1. Прибытие

День первый. Понедельник. Восемнадцать лет спустя

– Приехали, – раздался громкий голос кучера, и дилижанс резко остановился, заставив меня качнуться и, для сохранения равновесия, ухватиться за спинку сиденья передо мной, нечаянно прищевив прядь длинных светлых волос. – Имперская магическая академия.

Хозяйка шевелюры мотнула головой, выдергивая свои волосы из-под моих пальцев, после чего облила меня презрительным взглядом, который стал еще и брезгливым, когда она разглядела мой не самый презентабельный внешний вид. Фыркнув, девушка подхватила свои пожитки и, задрав нос, двинулась к выходу, где уже скопилась небольшая толпа выбирающихся из дилижанса – желающие поступить в академию и их родственники.

Я на этот взгляд никак не отреагировала, сама знала, что выгляжу ужасно. Но двухмесячное путешествие почти через всю Империю, когда денег едва хватает на самые дешевые билеты и на такие же дешевые ночлежки, блеска никому не добавляет. А порой и на сеновалах ночевать приходилось, и в конюшнях. Ничего, вот поступлю, дадут мне место в общежитии, там и отмоюсь как следует.

А форму выдадут, так нас с этой гордячкой вообще не отличить будет – мои-то волосы ничуть не хуже, только я их в косу заплела и под кофту убрала, чтобы не мешались. А если распускаешь их в тесном пространстве дилижанса, будь готова к тому, что кто-нибудь обязательно зацепится и дернет. И вообще – в этом дилижансе сзади места самые дешевые, дешевле только пешком, так что не стоит нос задирать, строя из себя аристократку, к которой посмела прикоснуться жалкая простолюдинка. Богатые в таком не ездят.

Бурча все это себе под нос – долгая поездка хорошего настроения мне не прибавила, но я хотя бы на людей не фыркаю, – нацепила лямки заплочного мешка и с тяжелым вздохом выволокла из-под сиденья потертый саквояж. С трудом вышла из дилижанса и печально посмотрела на цель своего многодневного путешествия – белоснежные башни академии. До них от ворот, за которыми уже исчезли все мои попутчики, еще топать и топать.

Пыхтя и отдуваясь, доползла до ворот, прикидывая, не оставить ли книги где-нибудь под кустом, чтобы потом за ними вернуться? Знала я, что они тяжелые, но оставить свое главное сокровище в лесу не смогла. Книжки и раньше мне руку оттягивали, но тогда Моня топал своими лапами, сейчас же мне предстояло затащить своих друзей в академию контрабандой, и взрослый барсук удвоил вес саквояжа. Откормила я его, на свою голову!

Тут к воротам подъехал извозчик, обдав меня пылью из-под колес. Пока я отфыркивалась, из повозки выскочил здоровенный, как орк, парень, закинул на плечо мешок раз в пять больше моего и бодро зашагал к воротам. Потом притормозил, оглянулся, окинул меня внимательным взглядом. Я глаза отвела – почему-то под его вполне доброжелательным взглядом стало неловко за свой внешний вид, хотя презрительные взгляды всяких фырчалок и носозадиралок, которых на моем пути встречалось немало, совершенно меня не трогали.

Парень решительно затопал обратно и замер в паре шагов от меня.

– Помочь? – кивнул он на мой саквояж, в который я уже вцепилась обеими руками, пытаюсь удержать.

– Сама справлюсь, – буркнула я. Всю жизнь сама справлялась, нечего из меня какую-то беспомощную делать.

– Я вижу, – беззлобно усмехнулся парень и легко вытащил ручку саквояжа у меня из взмокших ладоней. – Ого! Ты туда булыжники напихала, что ли?

Оценивая вес моей поклажи, парень при этом держал ее так, словно это был дамский ридикюльчик, не тяжелее.

– Книги там, – пришлось отвечать, промолчать было бы совсем грубо. Вздыхнув, добавила: – Спасибо.

– Да мне не сложно, – парень широко улыбнулся и вновь зашагал к воротам, я побежала за ним, ведь он был не только высок, но и длинноног – один его шаг – два моих.

Половину расстояния до академии мы прошли молча, он впереди, я сзади, а потом из-за плеча парня высунулось... нечто и с любопытством на меня уставилось. Большеухое и лысое, оно не было похоже ни на что, мною раньше виденное. Страшненькое и симпатичное одновременно. Пожалуй, что-то в этом существе было от кошки, но кошки лысыми не бывают. Или оно бритое? Но зачем?

– А... это что такое? – не удержалась я от вопроса.

– Не «что», а «кто», – ответило мне странное создание женским голосом, ага, значит, не оно, а она. – Ты что, никогда раньше кошку не видела?

– Видела, но только с шерстью, – ответила я, поняв, что передо мной какая-то странная нечисть. Мало того что лысая, так еще и говорит, не раскрывая рта.

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – выдала... наверное, все же кошка, а потом спряталась за пазухой парня, который после моего вопроса остановился и оглянулся на меня.

– Это кем она тебя обозвала? – из моего заплечного мешка высунулся возмущенный Клещ и завертел головой. – И где она?

– Это Ноппи, моя кошка. – Парень с улыбкой погладил бугорок, едва заметный на его широченной груди. Впрочем, под таким свободным сюртуком и Моню можно спрятать. – Она немножко... необычная и любит читать. А после вставляет фразы из прочитанного, к месту и не очень.

– Я к месту вставляю, – возмутился бугорок под его ладонью.

– К месту, к месту, – успокоил парень питомицу. – А твоего как зовут?

Тут я сообразила, что кое-кто себя рассекретил, по привычке кинувшись на мою защиту, и неважно, нужна она мне была или нет.

– Ты зачем вылез? – зашипела я, пытаюсь вслепую нащупать голову хорька и запихнуть обратно в мешок. Получалось не очень. – Спрячься немедленно!

– Клещом меня зовут! И в любого, кто мою девочку обидит, вцеплюсь и всю кровь высосу! Имей в виду!

– Клещ, он мне помогает саквояж нести. Это похоже на то, что меня обижают? И спрячься сейчас же! Хочешь, чтобы тебя выгнали?

– Хороший у тебя защитник, – усмехнулся парень. – А прятать его необязательно. В Имперской академии студентам разрешено держать нечисть, если сама нечисть на это согласна. А твой друг не выглядит пленником.

– Как – разрешено? – растерялась я. – В правилах же написано – никаких животных!

– И где ты те правила прочитала?

– В библиотеке. В брошюре для поступающих.

– И в каком году она была издана?

– Не знаю. Давно, – призналась я, вспомнив пожелтевшую и потрепанную книжицу, которую пожилая библиотекарьша выкопала откуда-то из хранилища. И была она точно старше меня, а может, и самой библиотекарши.

– А новому правилу лет двадцать где-то. Поэтому Ноппи тоже будет со мной учиться, правда, моя красавица?

– Сам учись, у меня магии нет, – донеслось из-под его одежды. – Я просто буду рядом. Как фамилляр!

– Вот и отлично. – Клещ тут же вылез из мешка целиком, соскочил вниз и запрыгал по дорожке, разминая лапы.

– А насчет нечисти – это точно? – Я все еще не могла поверить в свою удачу. – Откуда ты это знаешь?

– У меня тут старшие братья учились, я про академию много что знаю. Идем, а то скоро начнутся испытания, не хотелось бы опоздать.

– Погоди минутку. Дай-ка сюда. – Я протянула руку к саквояжу, но после передумала: – Нет, лучше просто поставь. – Когда моя просьба была выполнена, я наклонилась и отщелкнула замок. – Моня, вылезай!

– Зачем? – донеслось изнутри. – Мне и тут хорошо.

– Моня, имей совесть!

– У меня лапка больная!

– Мне это известно. Вылезай, или вытащу сама.

– Ладно, ладно, вылезаю. – Барсук выбрался из саквояжа и, встав на три лапы, поджимая правую переднюю, устоял на моего спутника. – Он выглядит так, словно может и тебя легко нести в саквояже, не то, что меня. Может, я обратно залезу?

– Топай-топай. Всеми четырьмя ногами, меня-то пытаться разжалобить бессмысленно.

– Да иду я, иду. – И мой приятель бодро затопал уже на четырех лапах. Да, походка его была не самой изящной, правая лапа была немного короче левой и кривовата, отчего Моня смешно переваливался с боку на бок, но беспомощным калекой не был. Избаловала его мать, а мне теперь расхлебывать.

– Симулянт он у тебя, – тихонько рассмеялся парень.

– Кто? – не поняла я.

– Притворяшка.

– А-а-а. Да, есть немного, – кивнула я и, закрыв саквояж, взяла его в руку. – Пойдем, а то и правда опоздаем.

Саквояж у меня снова отобрали, но возражать я не стала – книги, оставшиеся в нем, тоже не пушинки. К тому же с ним в руках я точно за своим спутником не угонюсь, а если он тут все знает, пусть и по рассказам, лучше с ним идти, чем тыкаться вслепую.

Или не вслепую. Поскольку вскоре нам встретился один указатель со стрелкой и надписью «Приемная комиссия» на фонарном столбе, потом второй, а когда мы подошли к замку, указатели стали встречаться едва ли не на каждом шагу. Заблудиться здесь было совершенно невозможно.

Идя по ним, в итоге мы оказались в просторном помещении с десятком столов, к которым стояли небольшие очереди в несколько человек. Мы с моим спутником встали в соседние, но моя двигалась быстрее, потому я оказалась у стола гораздо раньше.

Отдав документы доброжелательно улыбнувшейся мне оборотнице, ненамного меня старше – вряд ли она преподаватель, скорее студентка, подрабатывающая в приемной комиссии на каникулах, – я протянула свидетельство об уровне моей силы, выданное магом, заезжавшим в наш городок, чтобы тестировать подростков на предмет появления у них магии. При поступлении все равно все перепроверяют, но и эта бумага не помешает.

Увидев цифры, девушка удивленно подняла брови и посмотрела на меня уже с интересом.

– Впечатляет, – протянула она, переписывая содержимое моих документов в журнал, а потом имя и данные тестирования – на плотный зеленый листок с номером. – Вам в зеленую дверь, – она показала на дверь в боковой стене, в которую заходили те, кто уходил от столов, и на которую я не сразу обратила внимание. Она была белой, но раз велели туда, значит, туда и пойду. – Вещи можете оставить в любом ящике, где кнопка горит белым, – кивок на противоположную дверям стену. – Открываете дверцу, кладете вещи, жмете большим пальцем на кнопку, посылаете мини-импульс магии – и готово. Никто, кроме вас, дверцу не откроет. Открываете так же. Удачи.

– А нам можно в зеленую дверь? – поинтересовался Клещ, взобравшись мне на руки.

– О, у вас есть нечисть? – разулыбалась девушка. – Что же вы сразу не сказали?

– Я не знала, что это нужно.

– А как же! Их же на довольствие поставить надо, чтобы знать, сколько и чего фамильярам готовить. Для них, конечно, с запасом готовят, но учетность все равно важна. Значит, ты хореk, да? Так и запишем, – она и правда что-то отметила в журнале. – Ты с девушкой по своей воле? – поинтересовалась оборотница у Клеща.

– Разумеется! – возмущенно выпрямился тот. – Если не я, кто ее будет защищать?

– Простите, – переводя взгляд с него на меня, улыбнулась девушка, – так положено.

– А здесь хорошо кормят? – Моня встал на задние лапы, зацепившись когтями за край стола и положив на него нос.

– Очень хорошо, – машинально кивнула оборотница и удивленно посмотрела на меня. – У вас их двое?!

– Трое, – вздохнув, покаялась я и вытащила из кармана Лапку, дремавшую там. Она вообще много спала – старенькая совсем.

– Трое... Понятно... – совсем растерялась девушка, а потом пожала плечами: – Ограничений по количеству фамильяров нет, значит, можно и трое. Просто я даже о двоих сразу не слыхала, но все когда-то бывает в первый раз. Только ответьте – вы со своей хозяйкой по доброй воле? Это просто формальности, – чуть смущенно пояснила она нам.

– Конечно, по доброй, – кивнула Лапка, зевая. – Кто ж в лесу о старушке позаботится? Там мне уже не выжить.

– Так вы не питомниковые? Тогда понятно, – у оборотницы, наконец, сложилось в одно целое моя потрепанная одежда и дорогушие фамильяры. Это если в питомнике покупать – дорогушие. А мои – бесплатные.

– Мой отец лесником был. – Эту легенду я много раз использовала, и здесь не видела смысла менять. – Я их всех в лесу подобрала.

– Меня мама прогнала, – пожаловался Моня, – а Риони взяла. У мамы новые детки народились, вот я и стал ненужным. Сказала, что я уже большой и должен сам себе еду добывать. А у меня лапка больная!

– Она тебя и так пять лет кормила. У твоих братьев и сестер давно свои дети были, а ты все мамку сосать пытался, – осатила я нытика.

– Я больной и несчастный. – Барсук сделал самую умильную рожицу, на которую только был способен. На меня она давно не действовала, при желании Моня мог противостоять гораздо более крупному хищнику, однажды в одиночку отогнал от моего домика двух диких волков, подрав им морды – сама видела. Только желание такое у него возникало редко, больше нравилось, чтобы его жалели и кормили вкусняшками.

Сработало и тут – Моня получил от девушки пряник, она записала его и Лапку в журнал и, пожелав мне удачи, пригласила к столу стоящую за мной девушку.

Оглядевшись, здоровенного парня я уже не увидела. А жаль, хоть кто-то знакомый. Пристроив саквояж и мешок в свободный шкафчик – кнопка после нажатия из белой превратилась в синюю, значит, ящик занят, – и запомнив его номер, я прошла в указанную дверь. За нею оказался просторный и довольно длинный коридор, в который выходило несколько разноцветных дверей, в том числе и нужная мне зеленая, вдоль стен между ними тянулись лавки, забитые молодежью. Места хватило не всем, многие стояли, но возле зеленой двери лавка была полупустая. Две о чем-то шушукующиеся девушки, паренек, уткнувшийся в книгу, и мой практически старый знакомый, возвышающийся над ними почти на голову.

Интересно, в его роду орки потоптались, оборотни-медведи или оборотни-тирексы? Внешне признаков оборотней я в нем не увидела, человек как человек. А вот нос, пожалуй,

широковат и мочка уха характерной формы, хоть и не так ярко выражена, значит, все же орки. Но орочьей крови вряд ли больше четверти, скорее меньше.

– Еда! – практически простонал Моня, и, оглянувшись, я обнаружила сбоку от входа что-то вроде прилавка, от которого ощутимо потянуло магией стазиса, заставленного подносами с пирожками, бутербродами и стаканами с чем-то, похожим на компот.

Я сглотнула слюну – со вчерашнего вечера во рту ни крошки не было. Оглянувшись на поступающих – некоторые жевали что-то, явно взятое с этого прилавка. Рискнула взять несколько бутербродов с ветчиной – вроде бы никто не ругается. Прихватила стакан с компотом и села на свободное место возле зеленой двери, кивнув знакомцу. Девушки отвлеклись от разговора, оглядели нас – меня мельком, моих зверей гораздо внимательнее, – и снова зашумелись, парень с книгой внимания на нас не обратил.

Раздала своим питомцам ветчину, сама принялась за хлеб, с голодухи, да с компотом очень даже вкусно. Рядом со мной раздался тяжелый вздох, громадный парень встал и утопал к прилавку. Вскоре вернулся с двумя тарелками, на одной лежало несколько бутербродов и пирожков, а на другой громоздилась гора ветчины без хлеба. Мысленно посетовав, что мне на подобную наглость – собрать ветчину с кучи бутербродов, это ж надо додуматься! – смелости не хватило, я принялась за свой хлеб, но первая тарелка вдруг оказалась у меня на коленях, а вторую парень поставил перед моим зверьем.

– Налетайте, – и уже мне: – Имперская магическая академия вполне может накормить досыта и своих студентов, и абитуриентов, и их фамильяров. Ешь!

– А ты? – для приличия поинтересовалась я, хватая пирожок, даже выглядящий аппетитно.

– Я сытно позавтракал...

– Мы позавтракали. – Ноппи высунула мордочку у него из-за пазухи. – Беко-он ели! – едва ли не благоговейно простонала она и снова нырнула обратно.

– Спасибо, – не стала спорить я. И подумав, что вот уже столько общаемся, а так и не познакомились, представилась: – Я – Риони.

Мой сосед помолчал, вздохнул и тоже назвался:

– Иветтомассор.

– Как? – это не я спросила, а девушки, что с другой стороны от него сидели. Хором. А я чуть пирожком не подавилась. Это же надо было так ребенка назвать! Вот это имечко!

– А короткое имя у тебя есть? – поинтересовался Моня, дожевав остатки ветчины. И гордо добавил: – Вот у меня – есть!

– Короткое от Мони? Куда ж еще короче-то?

– Нет, Моня – это и есть короткое. А вообще-то я Хромоножка. Так мама назвала, а Риони сократила. Хочешь, она и тебе сократит?

И они оба на меня посмотрели. Моня – выжидающе, Иветтомассор – с легкой опаской.

– Ивет? – робко предложила я.

– Оно же девчачье! – подал голос парень с книгой. А делал вид, что ничего вокруг не видит и не слышит.

– Сорри? – предложила одна из девушек.

– Еще хуже, – помотал головой бедняга с жутким именем. А что, если, как у Мони, взять слоги из середины?

– Томи? – предложила новый вариант. Парня передернуло. Да, слишком нежно для такого здоровяка. – Или лучше Томас?

– Пожалуй, – кивнул Иветтомассор. – Пусть будет Томас, – при этом ударение он сделал на первый слог. – Мне нравится.

– Номер двадцать семь, – сказал мужчина, выглянувший из зеленой двери.

Одна из девушек подхватила и ушла за ним. Наш разговор стих сам собой – я принялась за пирожки, остальные просто сидели, посматривая по сторонам или в книгу. Из других дверей тоже вызывали абитуриентов по номерам, мой номер был тридцать первый. Постепенно ушли все мои прежние соседи, включая Томаса – он так с кошкой и ушел, значит, моим туда тоже можно, а то оборотница так и не ответила на вопрос Клеца, отвлеклась.

Когда меня вызвали, рядом сидели два новых парня, остальные места на лавке пустовали, хотя возле трех остальных дверей было не протолкнуться. Услышав от выглянувшего мужчины: «Номер тридцать один», мы с Клецом и Моней зашли в таинственную зеленую дверь, в которую мои знакомые входили, но назад ни один не вышел.

В просторном помещении не было окон, но было светло, словно его заливали лучи солнца. Оно было практически пустым, если не считать большого стола, за которым сидело четыре человека в белом... Хотя, нет, женщина, скорее всего, была эльфийкой, а сбоку, на некотором расстоянии, стоял небольшой столик с какими-то предметами. Другой мебели в комнате не было.

Мужчина, вызвавший меня, вытянул из моей руки бумагу с номером и отнес на стол, после чего вернулся обратно. А я, застыв, разглядывала другого мужчину, сидящего с левого края стола. И чувствовала, как деревенею от страха.

В отличие от троих остальных преподавателей, одетых в мантии, на этом был белый мундир с золотой отделкой. Но не одежда привлекла мое внимание, и даже не рост – хотя он, как и мой недавний знакомец Томас, почти на голову возвышался над соседями, и это сидя! И я едва заметила удивительную красоту его лица – мне не было дела до его красоты. А вот само лицо...

Нет, этот мужчина был мне незнаком, я никогда его прежде не видела и даже имени не знала, но лицо это было мне слишком хорошо знакомо. Потому что, это была практически точная копия лица императора Мелануира, чьи портреты я видела в учебниках. Только волосы не светлые, а каштановые. А это означало, что мужчина, а точнее – перевертыш, сидящий передо мной, был членом императорской семьи. Семьи бессмертных.

Которые когда-то, еще до моего рождения, уничтожили всех, кто обладал темной магией.

Магией, которая у меня тоже была.

Я понимала, что страх мой иррационален, темный дар надежно спрятан под моей новой магией, определить его не сможет никто, даже бессмертные, и только я сама могу себя выдать, применив его, а я этого делать не стану. Все это я знала.

Но все равно боялась.

– Риони Клык? – держа в руках мой листок, уточнила эльфийка, и я, с трудом оторвав взгляд от перевертыша, кивнула. – Оставьте свою нечисть у двери и подойдите ближе.

Я вынула из кармана спящую Лапку и положила на спину Мони, та немного покопошилась там, свернулась поудобнее и снова уснула. А я подошла к столу, холодея от осознания того, как близко оказалась от бессмертного.

– Очень хороший показатель магии, очень. – Эльфийка повернула лист так, чтобы ее соседи смогли видеть написанное. Мужчины в мантиях по обе стороны от нее – один средних лет, другой совсем старый и седой, – одобрительно закивали. Потом тот, что помоложе, поинтересовался:

– Здесь написано, что проверку силы магии вы проходили пять лет назад. То есть, сейчас вам?..

– Двадцать, – назвала я свой вымышленный возраст.

Собственно, у меня все было вымышленное, кроме имени – фамилия, происхождение, биография. Возраст тоже – я так и росла чуть медленнее других. Не настолько, чтобы это бросилось в глаза за те четыре года, что я провела в приюте, хотя и там меня продержали лишний

год, решив, что целитель ошибся с определением моего возраста, которого сама я, дикарка из леса, якобы не знала.

– А почему вы не прошли повторную проверку перед поступлением? – поинтересовалась эльфийка.

– И почему тянули с поступлением? – подхватил пожилой. – По силе магии вы проходили уже тогда, конечно, в академию принимают с восемнадцати, три года ожидания понятны, но пять?

– Я – сирота. – А вот и еще одна правдивая деталь в моей насквозь лживой истории. – Проверку пять лет назад мне делали за государственный счет, как всем приютским, достигшим пятнадцати лет. За последующую нужно платить, но мне тот маг сказал, что уже тогда силы хватало для поступления в Имперскую академию. Но в приюте обучали лишь азам, чтобы пройти вступительные экзамены, нужно было изучить еще многое. Вот я и изучала. А поскольку пришлось еще и работать, это заняло много времени.

– А разве тот маг вам не сказал, что сироты с проснувшейся магией принимаются в Имперский интернат, где и проходят подготовку к поступлению в академию за государственный счет? – поинтересовался перевертыш из императорской семьи. – Вас должны были доставить туда сразу же, как обнаружили подобный талант.

Я была настолько ошарашена вопросом, что даже парализующий страх куда-то отступил. Это что, я могла не вкалывать эти пять лет, а жить в тепле и сытости, догоняя в знаниях своих сверстников из обычных семей? Все эти лишения были напрасными?

– Нет. – Я покачала головой, в растерянности глядя на бессмертного.

– И в приюте не сказали? – Он сурово нахмурился, заставив меня вновь напрячься. Язык отнялся, и хотя я понимала, что сердится перевертыш не на меня, смогла лишь головой покачать. Говорить о том, что из приюта нас отправили на проверку магии уже с вещами, и назад мы уже не возвращались, считаясь взрослыми, не стала.

– Безобразие, – эльфийка тоже нахмурилась. – Как такое возможно?

– Империя делает все, чтобы по-настоящему талантливые дети могли получить образование. – Бессмертный сжал руку в кулак, было видно, что он едва сдерживается, чтобы не ударить по столу. – А из-за чьей-то халатности...

– Мы обязательно проведем проверку по факту данного пренебрежения мага своими обязанностями, магистр Филандр, – пообещал преподаватель средних лет. Потом обратился уже ко мне: – Может, теперь вы продемонстрируете нам ваши способности?

И указал на столик с непонятными предметами. Они выглядели симпатично, такие гладенькие, блестящие, новенькие, что захотелось их погладить. Один чем-то немного напоминал часы, только стрелка у него была одна, а цифры были расположены не по кругу, а в верхней половине циферблата. Другой – стеклянный шар на подставке. Подставка красивая, шар, размером с маленький капустный кочан, – тусклый, словно заполненный серым дымом. И на каком из них я должна всем показать свою магию.

– Начните с левого, – предложила эльфийка, видя, что я застыла, не зная, что делать дальше.

Ну, с левого, так с левого. Взяв двумя руками тяжелую металлическую подставку, я размахнулась и шарахнула ее вместе с шаром об пол.

Глава 2. Экзамены

День первый. Понедельник

Шар слетел с подставки и разбился на множество осколков, а находящийся внутри «дымок» вырвался на свободу и рассеялся в пространстве. Самой подставке ничего не сделалось, такую попробуй сломай, но мне и шара было достаточно. Хотя, нет, я ошибалась – место, куда крепился шар, отвалилось, и оттуда выпали какие-то мелкие детали. А я-то думала, подставка цельнолитая. Ошиблась. Ну и ладно, так даже лучше.

– Что ты делаешь? – Бессмертный возник возле меня так неожиданно, что я шарахнулась в сторону и чуть не упала, но была мгновенно схвачена им. Упасть не дал, но и не отпустил. Несмотря на огромные лапищи, боли не причинил, хотя вырваться я и не пыталась. – С ума сошла? – Мужчина легонько тряхнул меня, заглядывая в глаза, для чего ему пришлось нагнуться. Голос злым не был, лицо тоже, скорее перевертыш был удивлен и возмущен, но мне от этого легче не стало, я просто заледенела от страха.

– Отпусти ее сейчас же! – раздался рычащий голос, и краем глаза я заметила приближающегося Моню. Шерсть дыбом, пасть оскалена, лапа с длинными когтями поднята в замахе. Ничего общего с меховым шариком, строящим оборотнице жалобные глазки.

– Магистр Филандр, отпустите девочку, вы пугаете ее и ее фамильяров, – раздался голос эльфийки, и огромные руки тут же отпустили мои плечи, а бессмертный даже на пару шагов отступил.

Сразу стало легче дышать, я тоже отшагнула подальше от своего ожившего кошмара, поближе к животным. Все трое стояли в позе, предвещающей атаку, даже Лапка. Она, конечно, уже старенькая, но ласки практически такие же безбашенные в бою, как и барсуки, и тоже готовы без страха напасть на врага гораздо крупнее себя.

И хотя Клещ считал себя моим главным защитником, по факту им был именно Моня. Не уверена, что добралась бы сюда без потерь, если бы не он. Одинокая девушка – легкая добыча, девушка с барсуком – это примерно то же самое, что с двумя волкодавами. А вот Клещ, называющий себя моим защитником, в драку сломя голову не кидался, хотя приложить противника крепким словом умел виртуозно – хорьки по природе своей вовсе не такие агрессивные, как два других моих питомца. Впрочем, сейчас и он стоял, распушив хвост, что означало готовность кинуться на того, кто меня, по его мнению, обижал.

– Успокойтесь, Риони, никто вас здесь не обидит. – Услышав голос эльфийки, я оторвала настороженный взгляд от бессмертного и перевела его на женщину, потихоньку отходя от испуга. – Просто объясните, зачем вы разбили артефакт?

Я вспомнила, с чего все началось, посмотрела на осколки, еще и частично затоптанные, потом снова на задавшую вопрос и пожалала плечами:

– Вы же сами велели мне продемонстрировать свою магию на левом артефакте.

– И как же вы пытались ее продемонстрировать? – в голосе старика звучало искреннее любопытство.

– Вот так. – Присев на корточки, я протянула руки к осколкам и выпустила магию.

Осколки тут же начали сползаться, слепляться в шар, который запрыгнул на подставку, уже втянувшую в себя выпавшие детальки. Из воздуха материализовался серый туман и влился в щели в шаре до того, как те срослись.

Я взяла уже целый артефакт и почувствовала, что он все еще не восстановился. Удивилась, огляделась, догадалась, в чем дело, и, пересиливая себя и подавив ком в горле, обратилась к сапогам бессмертного, выше поднять голову не решилась.

– Вы не могли бы приподнять ноги?

Мужчина послушно поднял левую ногу, потом правую, с подошвы правого сапога соскользнуло несколько крохотных осколков и вклеилось в шар. После этого артефакт в моих руках едва заметно завибрировал, а серый туман сменился нежно-сиреневым светом с золотистыми искорками.

– Магия вне классификации, – резюмировал старик. – Впрочем, девочка и так нам наглядно это продемонстрировала.

Я осторожно поставила артефакт на место, но стоило убрать руки, как в нем снова закрутился безликий серый туман. Потом взглянула на приемную комиссию – бессмертный, к моему облегчению, уже вернулся на место на дальнем от меня краю стола и смотрел на меня несколько растерянно, взгляды остальных экзаменаторов светились восторженным любопытством.

– Скажите, – мужчина, тот, что помоложе, аж наклонился над столом, подавшись в мою сторону, – кто вас обучал? Какие формулы вы сейчас использовали? Сколько силы влили? Куда направляли потоки?

С каждым вопросом я все больше терялась, не зная, что отвечать. Наконец, смогла вставить:

– Никто не учил. Оно само. А формулы я не знаю.

– Интуит! – *Кажется, спрашивающий меня мужчина пришел в полный восторг.* – Еще один!

– Двое подряд? – покачал головой старик. – Я такого не встречал... Да лет двадцать уже, наверное.

– Интуиты чаще всего встречаются среди обладателей магии вне классификации, – высказалась эльфийка. – А предыдущий мальчик тоже был весьма нестандартным.

– Ну, еще бы, – пробормотал бессмертный, а после обратился ко мне: – Я так понимаю, то, что до поступления в академию магией пользоваться запрещено, вам тоже никто не объяснил?

Сюрприз за сюрпризом. Нет, что без диплома легально работать магом я не могу, это я знала, но чтобы совсем пользоваться было нельзя?

– Нет, никто, – покачала головой.

– Ожидаемо, – кивнул он, потом оглянулся на остальных. – Силу магии проверять будем, или в этом уже смысла нет?

– Может и нет, но мне любопытно, – ответил тот, что помоложе, остальные закивали, поддерживая коллегу. – Пройдите, пожалуйста, к правому артефакту и просто прижмите к нему ладонь ниже циферблата. Разбивать не нужно. Хотя, я бы не отказался еще раз понаблюдать за этим чудом.

– Я могу принести стакан, – подал голос все это время молчавший человек, что приглашал нас в комнату. Кстати, он был в сером, а не в белом.

– Принесите, пожалуйста, – кивнул ему мой собеседник. – И пару тарелок прихватите. Ну, же, – это снова ко мне, – мы ждем.

Я сделала, что велели, и полюбовалась на то, как ожившая стрелка поползла по полукругу и застыла, чуть-чуть не дойдя до цифры восемь. А всего там было двадцать делений.

– Великолепно! – восхитился старик. – Магия выросла за эти пять лет в полтора раза. Такими темпами вы станете магистром еще до сорока лет!

Было бы здорово! Только дожить бы до этих сорока...

Тут вернулся мужчина, уходивший за посудой, неся пару тарелок и стаканов. Их я тоже, по просьбе комиссии разбила, а потом восстановила. И разорванный когтями Мони платок эльфийки. И какой-то артефакт, извлеченный стариком из кармана. А потом приемная комиссия, наконец, вспомнила, что кроме меня за дверью еще желающие поступить сидят, а меня еще экзамен по обычным предметам ждет, и в итоге отпустили с миром, вручив вместо зеленого уже сиреневый листок с золотым ободком.

Ушли мы из этой комнаты порталом – теперь понятно, куда девались те, кто до меня приходил. Точнее, сначала мы вышли через неприметную дверь, расположенную за спинами приемной комиссии в узкий коридор, где я снова обнаружила указатели, пройдя по которым, оказалась перед дверным проемом с радужной завесой вместо двери. Табличка, висящая рядом, предлагала приложить палец к кнопке, на которую указывала стрелка, а потом пройти сквозь проем.

Немного подумав, я вернула Лапку, едущую на Моне, в карман, Клеща повесила на плечо, а Моню взяла под мышку – именно так мы и прошли портал. Впервые в моей жизни.

Я ничего не почувствовала, хотя ждала каких-нибудь новых впечатлений, но нет. Вообще ничего, ну и хорошо.

Оказалась я в огромном помещении, шириной, наверное, во весь замок или чуть поменьше. Почти все его пространство занимали столы, стоящие рядами, некоторые пустовали, но большинство было занято, и над ними возвышались полупрозрачные... даже и не знаю, как назвать. Назвала бы пузырями, но форма была немного иная, походила на пенек, на который положили половинку арбуза разрезом вниз.

Я не успела задуматься, что это такое, как ко мне подошла высокая темноволосая девушка-дроу в форме, похожей на мундир бессмертного, только голубой, и отделки было поменьше. Рядом я заметила еще несколько парней и девушек в форме разных цветов, а один из них вел паренька в простой одежде к одному из пустых столов. Подошедшая ко мне девушка поздоровалась и вытянула у меня из пальцев сиреневую бумажку. Кажется, ей было не привыкать к застывшим столбами абитуриентам.

Предложив мне посетить туалет – уточнив, что это такое, я с радостью согласилась и была отведена ею в уборную, где заодно умылась и помогла своим зверюшкам справиться с непривычным зачарованным горшком, – девушка проводила меня к одному из столов и предложила сесть на довольно удобный стул.

– Вот ваше задание, – мне указали на стопку листов с напечатанным текстом, – вот эти листы можно использовать как черновики. Вот две магические ручки, заряжать умеете? Нет? Просто, когда перестает писать, посылаете вот сюда небольшой импульс силы, как у портала, помните?

Я кивнула. О таких ручках я лишь слышала, самой доводилось пользоваться лишь обычными перьями, которые нужно макать в чернила.

– На выполнение всех заданий дается восемь часов, вот этот таймер будет показывать, сколько осталось, справитесь раньше – жмите на эту кнопку, я подойду. Вот здесь бутылка с водой, если сильно проголодаетесь или срочно понадобится в туалет, нажимаете эту же кнопку, я остановлю таймер и провожу вас. Списывать запрещено, здесь ведется видеонаблюдение.

– Что ведется? – удивилась я непонятному слову.

– Артефакт такой, иномирный, он следит за всеми. Вопросы есть?

– Нет, – растерялась я.

– Если будут – жмите на кнопку. Купол руками не трогайте, – с улыбкой посоветовала девушка, потом сунула руку в карман, что-то там сделала, и надо мной поднялся точно такой же купол, как над соседними столами. И сразу же стало тихо-тихо, только наше дыхание, и все.

Звукоизоляция! Снова то, о чем я лишь читала, но никогда не видела и тем более не испытывала на себе. Потрясающе! Я осмотрелась и через два стола справа увидела Томаса, который улыбнулся мне, ободряюще кивнул и вновь склонился над своим заданием. На его столе свернулась клубочком Ноппи, и я наконец увидела ее целиком. На ней была одежда! Кофточка и брючки, зеленые, самые настоящие! На кошке!

А с другой стороны, бедняжка, должно быть, мерзнет без шерсти, мне бы тоже было бы неприятно лежать на столе голой. Да уж, не самая удобная питомица, но не всегда получается выбрать, чаще бывает наоборот, кого судьба послала, того и любишь.

Моня и Клещ улеглись под столом в расчете на долгое ожидание, им не привыкать, Лапка спала у меня в кармане, вынимать ее я не стала. Взялась за листы с заданием. Ага, тесты по истории, по географии, по знанию основных законов Империи – ну, тут даже интуитивно догадаться можно, но я эти законы тоже зубрила. Сочинение на вольную тему не меньше чем на трех листах, и, самое сложное – математика. Задачи, куча примеров и тест по знанию основных фигур и их частей, вроде углов и граней.

Надеюсь, справлюсь. Я не просто так пять лет все это изучала. Спасибо библиотекарьше городка, возле которого я жила – и учебники подбирала, и непонятное объясняла, и списанные книги отдавала. А я за это чинила ей и книги порванные, и мебель библиотечную, а порой и вещи, из дома принесенные. Мне не сложно, ей тоже – в общем, нашли мы друг друга к взаимной выгоде.

Довольно быстро разделавшись с тестами – *чего сложного галочки ставить, если знаешь, где надо?* – взялась за сочинение. Раз на вольную тему, буду писать о том, что хорошо знаю – о лесной нечисти. Я о ней много знала, собственно, нечисть меня и вырастила, да и потом компанию составляла, когда меня из приюта выпустили, и я снова в наш лесной дом вернулась. Я б и не покидала его, да папа Клык перед смертью обещание с меня взял, что среди людей поживу, магии поучусь.

Вот, выполняю его наказ. Был бы у меня выбор – ни за что бы в Имперскую академию не сунулась, тут и ректор из бессмертных, и преподаватели некоторые, на одного вот, уже наткнулась. Только в других академиях либо обучение платное, либо, если примут на бесплатные места – все равно нужно где-то жить и что-то есть. А здесь и жильем обеспечивают, и кормят, не экономя, – Томас же просто так не скажет, раз его братья тут учились, – и форму выдают.

Главное – иметь сильную магию, и как только маг, меня после приюта тестиовавший, сказал, что с такой силой я могу даже в Имперскую академию поступить, мне стало понятно, что это мой шанс. И пять лет, зубря то, что другие дети учат в школах – а для приютских считается ненужным, читать-писать научились, считать, чтобы в лавке не надурили, тоже, и достаточно, – и, откладывая деньги на дорогу, я еще и настраивалась на то, что рядом со мной могут оказаться бессмертные. Что не надо их бояться, о моем темном даре они никогда не узнают. И даже почти себя убедила, пока сегодня не столкнулась со своим ожившим ночным кошмаром во время экзамена.

Но я справилась. Да, обмирала от ужаса, тряслась и покрывалась холодным потом, но все равно испытание прошла, и ничего страшного не случилось. Значит, и дальше справлюсь. Главное – после академии я получу самый престижный в Империи диплом и хорошую работу. Кусок хлеба с маслом мне и моим питомцам будет гарантирован.

Описав историю семейки барсуков, живших поблизости – родителей и братьев-сестер Мони, – и то, чем ласка-нечисть отличается от обычного дикого зверька, я выдохнула. Прошла половина времени, отведенного на экзамен, а у меня остались лишь задачи и примеры.

– Риони, мне... надо! – Моня подергал меня за юбку, выбрав момент, когда я расслабилась и откинулась на спинку стула, чтобы чуть-чуть передохнуть перед новыми свершениями.

Вздохнув, нажала на кнопку. Знакомая девушка тут же подошла ко мне, проводила в уборную, потом выдала нам всем легкий, по ее словам, перекус, ну, мне снова пирожки и бутерброды в неограниченном количестве, а перед Монею и Клещом поставила по миске с сырым мясом и нарезанными яблоками. Где она все это взяла, я спрашивать не стала, но еще раз убедилась в правильности своего выбора – здесь мы точно голодными не останемся.

Когда возвращалась под свой купол, Клещ выпросил у девушки разрешение немного размяться, пообещав не хулиганить. Очарованная девушка, которой явно прежде если и доводилось видеть говорящих зверюшек, то не настолько близко, тут же ему разрешила, и следующие три часа он развлекал старшекурсников, приставленных к нам, абитуриентам, которые откровенно скучали в ожидании, когда кому-то понадобится их помощь.

Закончив делать задания по математике и перепроверив сочинение, я решила, что можно заканчивать. Растолкала Моню, умудрившегося задряхнуть, примостив голову на мои ноги, и нажала на кнопку. И снова моя девушка поспешила на зов, открыла купол и узнав, что я уже все, с улыбкой собрала мои листы и предложила идти за ней.

Мы вышли в обычную дверь – через портал здесь только входили, – и попали во что-то вроде небольшого холла с лестницей и несколькими дверями. Ага, значит, зал занимает не весь этаж, но все же большую его часть. За ближайшей дверью оказалась проходная комната, – от коридора она отличалась лишь квадратной формой, – где на стульях вдоль стен разместилось десятка полтора поступающих, и где было предложено подождать и мне тоже, а сама девушка прошла дальше, в еще одну дверь, унеся мои бумаги, в том числе и ту, сиреневую. Вышла она буквально через полминуты, уже с пустыми руками, ободряюще улыбнулась мне – а может, Клешу, – и ушла.

Дальше началось ожидание. Время от времени старшекурсники приводили очередных абитуриентов и отдавали за дверь их работы. Из той же двери время от времени кто-то выглядывал и вызывал по имени одного из ожидающих, обратно они выходили с разными выражениями лица – кто с радостным, кто с расстроенным, кто просто с сосредоточенным, пара девушек – в слезах, один парень, выходя, шибанул дверью так, что едва не снес ее с петель.

Мой знакомец, хозяин Ноппи, зашел после меня и, в отличие от большинства ожидающих, не нервничал, ногти не грыз, вдоль стульев туда-сюда возбужденно не прохаживался, просто сидел, расслабившись, о чем-то тихонько болтая со своей кошкой. А мой взгляд невольно притягивала его огромная фигура.

Ну, не совсем «огромная», была здесь и пара орков, их мускулы бугрились так, что едва не разрывали короткие рукава рубах, шеи тоже были очень широкими, от ушей до плеч – по прямой, все они в целом были какими-то слишком массивными. А Томас был просто большим. Не тощим, вытянувшимся, но массы не набравшим, нет. Он был достаточно мускулистым, производил впечатление очень сильного, но и перекачанным не выглядел, его большое тело было удивительно гармоничным.

Лицо Томаса особой красотой не отличалось – нос широковат, рот большеват, глаза небольшие и близко посаженные, сказывалась капля орочьей крови, – но в целом впечатление от лица было приятным. А вот волосы были хороши – черные, аж в синеву отливали, они вились крупными кольцами, закрывая шею и уши, падали на лоб. Эх, мне бы такие локоны, мои-то волосы были абсолютно прямыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.